

КОЛЫБЕЛЬ ТАЛАНТА РУКОВОДИТЕЛЯ

Н. Б. ЛАВРОВСКАЯ

Стройным, высоким, симпатичным, с серьезным лицом, в черном вельветовом спортивном костюме со значком I разряда по лыжам на груди, спокойно сидящим напротив в кресле перед прохождением собеседования — таким я впервые увидела Льва Дмитриевича Рябева, едва переступив порог МИФИ в Москве в 1951 г.

В тот день абитуриенты-медалисты проходили в МИФИ (тогда ММИ) собеседование по физике и математике, конкурс — 10 человек на место, и мы, две девушки, с завистью и восхищением смотрели на значок перворазрядника и говорили между собой: «Вот уж этого мальчика наверняка примут» (веяние было такое в те годы: успешная спортивная команда была гордостью института).

Нас всех троих приняли. Мы попали в одну группу с Левой Рябевым, и, как потом выяснилось, спортивные успехи лыжника были далеко не единственным его достоинством. Сразу же бросилась в глаза его собранность, какая-то надежность, серьезное отношение к делу, к будущей профессии. Поэтому, когда буквально через 7 дней знакомства в группе первокурсников на комсомольском собрании встал вопрос о выборе комсорга, я и предложила кандидатуру Левы Рябева, «потому что он принципиальный товарищ».

Предложение было чисто интуитивное. Ведь в группе было больше 40 человек, и Лева не был таким уж бойким, скорее молчаливым.

Все поддержали. Так Лева Рябев стал комсоргом группы 41–04. Он не был заводилой компании, не занимался организацией досуга. Он был целиком поглощен учебой — настолько, что этим выделялся из всех студентов.

Группа собиралась в кино. Его зовут с собой. Лева пропускает поход в кино, так как очень глубоко и серьезно изучает, штудирует произведения Маркса, Энгельса, Ленина. Незабываемая картина: Лева в общежитии, на улице Зацепы, 2а, за столом, покрытым клетчатой клеенкой, часами сидит над трудами Маркса–Энгельса, рядом банка с конфитюром и в ней большая ложка, что, по-видимому, компенсировало тоску по пропущенному походу в кино с группой и помогало укладывать в мозг бесценную информацию из трудов классиков марксизма.

Вспоминаются и другие забавные эпизоды из студенческой жизни. На младших курсах нас, студентов, назначали агитаторами для разъяснения населению города Москвы всяких экономических и политических событий в стране и в мире. И вот девочки и мальчики ходили по московским квартирам по вечерам после учебы (а квартиры были почему-то все коммунальные) и проводили с хозяевами комнат, собиравшимися на коммунальной кухне, политические беседы. Потрясающе, но почему-то люди нас покорно по часу слушали, а ведь они приходили с работы усталые, и им надо было и готовить ужин, и другими хозяйственными делами заниматься. Что за времена были — и смешно, и грустно! С обязанностями агитатора Лев Рябев тоже справлялся прекрасно. Свидетельство тому — фотография на Доске почета МИФИ за 1952 г. под рубрикой «Лучшие агитаторы МИФИ (ММИ)». Мы были в восторге от своей работы.

Его очень уважали в студенческой группе. Девушки ласково называли Левушкой. Когда он заболел на первом курсе и попал в больницу, вся группа ходила навещать нашего замечательного однокурсника.

Если кино и развлечения Лева Рябев, бывало, пропускал, то в походах по Подмосковию был постоянным участником.

В походах он участвовал на протяжении всего периода учебы в институте. На пятом курсе мы

«Лучшие агитаторы МИФИ». 1952 г.

После 40-километрового марш-броска

проходили практику в Институте металлургии им. Байкова и ходили в поход уже с сотрудниками этого института. И всегда Лева был человеком надежным и приятным в общении. К концу обучения в институте его уже стали называть не Левой, а Львом.

И конечно же, он хорошо учился. Он постигал науку с большим терпением и целеустремленностью, и на старших курсах стал отличником, получал повышенную стипендию.

С необычными обстоятельствами столкнулись мы при окончании института. Обучались мы на кафедре по специальности «Металлофизика», но на последнем, пятом, курсе после курсового проекта и преддипломной практики нам, нескольким студентам, предложили срочно перейти на другую специальность — «Газодинамику» — для пополнения кадров в новом научном центре Приволжская контора (другое название — Москва, Центр-300). Некоторые студенты из не согласившихся на предложение говорили, что не поедут туда «даже под дулом пистолета». На призыв откликнулись 7 человек. Лев Рябев был в числе этих смельчаков, решившихся изучать газодинамику. А тут вскоре дипломная работа. У меня — в Москве, в Институте химической физики, у ребят (остальных шестерых) — на нашем «объекте» ПВК, как тогда в Министерстве среднего машиностроения называли будущий ВНИИЭФ.

Во ВНИИЭФ мы снова встретились, когда после защиты дипломного проекта у Николая Николаевича Семенова я приехала сюда по приглашению. И здесь прекрасные человеческие качества Льва Дмитриевича Рябева так же не остались незамеченными.

Вместе с моим мужем Юрием Дмитриевичем Лавровским и другими сотрудниками, под руководством Александра Сергеевича Козырева

ва Лев Дмитриевич занимался в 60-е гг. сложной проблемой ЧБ, а также газодинамической обработкой изделий, в том числе так называемого «комсомольского» изделия. И занимал скромную должность инженера до тех пор, пока по ходатайству перед Борисом Глебовичем Музруковым его не перевели в старшие инженеры (тогда штатное расписание долго не позволяло повышений в должности).

Авторитет Льва Дмитриевича у окружающих очень скоро способствовал тому, что опять ему стали поручать ответственную работу, которую доверяли самым уважаемым людям. Лев Дмитриевич становится секретарем партийной организации отделения 03, затем секретарем парткома ВНИИЭФ, затем секретарем горкома Арзамаса-16.

Дальнейший рост Льва Дмитриевича как профессионала и организатора продолжался уже за пределами города Сарова. А потом сотрудникам ВНИИЭФ снова повезло: Лев Дмитриевич стал директором ВНИИЭФ.

И на любом посту, на любой должности он скромный, спокоен, с мягким бархатным голосом, доброжелателен, всегда внимательно слушает собеседника. В кругу друзей-однокурсников при встречах на юбилеях МИФИ или по причине «просто соскучились» Лев Рябев по-прежнему прост в общении, ни тени важности и неприступности.

«Потому что он — принципиальный товарищ...» — это было сказано по-детски наивно, но, как показала затем жизнь, в самую точку. Такие слова в переводе на язык более взрослых людей означают: «В высшей степени порядочный человек». Считается, что впечатления детства и юности самые яркие. Наверное, потому, что эти впечатления приятные... Память хранит их как драгоценные сокровища. Я желаю всем иметь в своей жизни, в своей душе побольше таких сокровищ.

ЛАВРОВСКАЯ **Нина Борисовна** —
старший научный сотрудник
ИФВ РФЯЦ-ВНИИЭФ